

Литература

1. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 1. М., 2001.
2. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. М., Троицкое слово.

С. ВЕНКОВ, М. ДВИНЯНИНОВ

ОРИЕНТИРЫ ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Современное общество ставит перед молодёжью трудную задачу – из конгломерата и фрагментов ценностей, установок, приоритетов создать стратегию и тактику жизни, базирующуюся на неких приоритетах. Реалии нашего мира таковы, по слову Иоанна Кронштадского: «Всякий мнит себя автономом!» С одной стороны, это порождает мнимую независимость человека или группы людей, а с другой – необходимость примкнуть «хоть куда-нибудь», где тобой будут интересоваться всерьёз. Ориентиром на этом пути для студентов являются учебные дисциплины, которые погружают их в ценностные миры философских и культурологических концепций.

Может ли для молодого человека, обременённого современным хайтеком (супертехнологиями), иметь значение традиционные ценности русской цивилизации? Какие из них ушли в прошлое, а какие остаются вечными? Для многих среди нас православие – это мир, не несущий материальных благ, следовательно, и пользы. Но почему-то именно такие люди становятся членами различных псевдо-религиозных организаций, в том числе и сатанинских и трагически заблуждающихся.

Обращение к ценностям, выработанным в отечественной культуре, различение добра и зла базируется на православии – коде русской цивилизации. Но в действительности православие в России сегодня – это неизвестная религия. Разрушение высокой духовной культуры, которое произошло в России после 1917 года, отбросило нас в состояние религиозного варварства. Страна, воюющая с высшей духовностью, обречена стать страной торжествующего язычества, самых примитивных форм религиозности. Сейчас Россия переживает сложный период восстановления после многих лет духовного террора, и в этом ослабленном состоянии может стать жертвой различных сатанинских и лже-спасительных сект. Именно поэтому мы должны освоить духовный базис в русской цивилизации, её веру и высокую духовность.

Выдающийся русский мыслитель, философ И. А. Ильин (1883-1954) в ряде своих работ дал следующие ориентиры: значение Православия в русской истории и культуре духовноопределяющее. Для того, чтобы понять это и убедиться в этом, не надо быть самому православным; достаточно знать русскую историю и иметь духовную зоркость. Достаточно признать, что тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; что Россия слагалась, крепла и развертывала свою духовную культуру именно в христианстве и что христианство она восприняла, исповедовала, созерцала, и вводила в жизнь именно в акте Православия. Основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына

Божия и приемлет Его как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого *совершенства* православный познает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения. А, к примеру, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает авторитет. Внешнее «благодение» повинуется воле, а оно и есть не более чем внешняя видимость или же просто притворство. Можно принудить себя к имущественному «пожертвованию»; но дар любви, сострадания, милосердия невынудим ни волею, ни авторитетом. За любовью же мысль и воображение следуют сами собой, естественно и охотно. Из раскрытого и любящего сердца совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести; а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Тот, кто строит религию на воле и на покорности авторитету, тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным «признанием», оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту – «похвальными», но мертвыми делами. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и «красивости», но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты, – то мы знаем, где искать объяснения этому.

Прежде всего, понятие «жизни» включает в себя необъятное множество людей, из которых множество принадлежит к различным церковным союзам, а другое множество, формально пребывающее в той или иной церкви, утратило всякую веру, а, следовательно, и церковную принадлежность. Кто желает «оцерковления», тот, наверное, имеет в виду единый процесс и единую «Церковь» и вряд ли будет склонен сочувствовать и содействовать подчинению всей жизни всех людей тем другим церковным сообществам, которые отвергают его собственную «церковь» как ложную, еретическую и погибельную. При первом же соприкосновении с жизнью идея единого оцерковления оказывается иллюзией, а соответствующая ей программа – заблуждением. Не следует ставить этот вопрос в едином мировом масштабе. Многообразие религиозного опыта, догматических учений и церковной организации таково, что эта проблема оказывается мнимой и неразрешимой: сами верующие не позволяют друг другу ни поставить, ни разрешить её, ибо начнется всемирная религиозная резня.

Следовательно, говорить об «оцерковлении жизни» возможно только в пределах *отдельных религий и исповеданий*. Отдельное, своеобразное «оцерковление» может оказаться осуществимым в пределах джайнизма, отдельное – в пределах лютеранства, особое – в пределах шинтоизма, своеобразное – в магометанстве, иное – в католичестве, иное – в православии. Но при неверном понимании вопроса и в Православной Церкви, и в жизни православных народов может грозить опасность церковного тоталитаризма. В самом деле, когда мы говорим об оцерковлении жизни, то мы должны иметь в виду два пути: 1. Жизнь свободно воспримет благодатный дух Церкви. 2.

Церковь воспримет все по существу своему нецерковные задачи жизни и вложит в их разрешение.

Первый путь кажется естественным и самоочевидным, чем больше религиозной благодати в жизни, тем жизнь будет качественно выше, тем ближе к совершению и осуществлению будет второе прошение молитвы Господней: «да придет царствие Твое». Условием же этого пути является только одно: сама церковь должна блюсти Дух свой и обретаться на высоте. Нет этого – и останется одна церковная видимость, иллюзия, сущий соблазн и разложение. Утрата чистоты сердца и молитвенного горения, искажение христианского духа, порочность духовенства, всяческая продажность и интрига «святокупство», явное или тайное торжество лжи и всё другое соответственное – все это может лишить церковную организацию Света, Силы и Благодати и помешать всякому «оцерковлению» человеческой жизни. Таков в основных чертах первый путь.

Но есть еще и второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как властное и всеобъемлющее начало и начинает осуществлять своего рода церковный тоталитаризм. Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма все нецерковные и иноцерковные люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах принадлежит церкви; а церковь даёт полноправие только одним своим членам и притом покорным членам. Церковно-верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия, «церковность даёт им жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникало стремление неверующих симулировать веру, чтобы не «остаться за бортом», готовность притворяться ради жизненной «премии», в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного исповедания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную «аристократию», всемогущую и всеуправляющую «знать», быть может, наполовину из лжецов и симулянтов. Путь вёл через религиозную ложь к власти, и церковное разложение становилось неминуемым.

И. А. Ильин подробно раскрывает не только суть добра и любви, но и призывает внимательно относиться к противоположному началу – демонизму. Дьявольское начало имеет в жизни человеческого рода свою историю. По этому существует серьезная научная литература, не касающаяся, впрочем, последних десятилетий. Однако именно последние десятилетия проливают новый свет на два прошедших века. Эпоха европейского «просвещения» подорвала в людях веру в бытие личного дьявола. Образованному человеку не верится в существование такого отвратительного, человекообразного существа «с хвостом, с когтями, с рогами», никем не виданного, а изображаемого только в балладах и на картинках. Лютер еще верил в него и даже швырнул в него чернильницей; но позднейшие века отвергли «черта», и он постепенно «исчез», угас как «отживший предрассудок».

Но именно тогда им заинтересовались искусство и философия. У просвещенного лишь «плащ» сатаны, и он начал с увлечением драпироваться в него. Загорелось желание узнать о дьяволе по больше, рассмотреть его «истинный облик», угадать его мысли и желание, «первоплотиться» в него или хотя бы «пройтись» перед людьми в дьявольском образе... И вот искусство стало воображать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Дьявол, конечно, «не удался», потому что человеческое воображение не способно вместить его, но в литературе, в музыке, в живописности началась культура «демонизма». С начала XIX века Европа увлекается его противобожественными обликами: появляется демонизм сомнения, отрицания, гордости, бунта, разочарования, горечи, тоски, презрения, эгоизма и даже скуки.

Одновременно с этим возрождается «мистическое» учение о том, что «темное начало» имеется даже и в Боге. Немецкие романтики находят поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», а левый гегельянец Макс Штирнер выступает с открытой проповедью человеческого самообожествления и демонического эгоизма. Отвержение личного «черта» постепенно заменяется оправданием дьявольского начала.

Скрытую за этим пропасть увидел Достоевский. Он указал на неё с пророческой тревогой и всю жизнь искал путей к её преодолению. Фридрих Ницше тоже подошел к этой пропасти, пленился ею и возвеличил её. Всю совокупность религиозных предметов (Бога, душу, добродетель, грех, потусторонний мир, истину, вечную жизнь) Ницше обозначает как «груду лжи, рожденную из дурных инстинктов натурами большими и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, созданных на земле». Всё христианство есть в его глазах лишь «грубая басня о чудотворце и спасителе», а христиане – «партия забраванных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит, есть «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле». Он взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнудать. Он требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». Его пленяет все «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Всё, что зиждет в жизни братство людей, – идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т.п. – должно быть вообще изъято из существования».

Но «демонизм» и «сатанизм» не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны. Демонический человек предаётся своим дурным страстям и может ещё покаяться и обратиться; но человек, в которого, по слову Евангелия, «вошёл сатана», одержим чуждой, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом. Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: «жизнь без Бога»; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: «низвержение Бога». В демоническом человеке бунтует необузданный

инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением.

Демонический человек тяготеет к сатане; играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверию) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей или, видя, не узнал их, тот не знает исконно завершённого зла, и не имеет представления о подлинно дьявольской стихии.

Не стоит недооценивать силу дьявольских организаций и в наше время. Всё больше и больше молодых людей втягиваются в такие секты. Почему именно молодые? Нынешнее поколение, впрочем, как и все предыдущие поколения, живёт чувствами, а не разумом. Такова особенность юности – желание ощутить как можно больше, как можно сильнее. Запретный плод сладок, а в сочетании с адреналином, с желанием познать неизведанное, с утолением своих садистских наклонностей, это становится огромной силой, способной сбить с пути наивного и еще не определившегося в этой жизни человека. Сам того не зная, он становится «зомби», куклой-марионеткой в руках руководителей этой секты. Но страшны не «подчинённые», а именно руководители. Это люди, которые работают не за ощущения, а за веру в свою религию, религию зла. Они отвергли постепенный путь очищения и становления, предпочитая путь быстрый, молниеносный. И это отнимает и них всякие остатки человечности. За знание великого зла, которым они обладают, им приходится платить большую цену.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах. Можно определить эту стихию как вечную зависть, как неутолимую ненависть, как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как пограние духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть; в нём начинается разложение и разнуздание, он предаётся сознательной порочности и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекомучительством. Простое восприятие этой дьявольской стихии вызывает в здоровой душе отвращение и ужас, которые могут перейти в настоящее телесное недомогание, в своеобразную «дурноту» (спазма симпатической нервной системы), в нервную дисритмию и в психическое заболевание, а могут привести и к самоубийству. Сатанические люди узнаются по глазам, по улыбке, по голосу, по словам и делам. Многие видели их вялые и живые. Но многие и доселе не разумеют этого явления и не хотят понять его, потому что оно несёт им суд и осуждение.

Духовность – очень сложный и тонкий мир. Не нужно его писать одной краской. В этом мире идёт борьба, как писал Достоевский: «Здесь дьявол с Богом борется, и поле битвы – сердца людей». Тут много ловушек, обманов, в этой битве легко стать инвалидом духовной войны, если человек незнаком с

критериями добра и зла. Сегодня православная церковь должна противостоять словом силам, и помочь вернуться на путь истинный всем заблудшим на тропе под названием «верование».

Л. А. КЛЕНОВ

ЦЕННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКОЛОГИИ НООСФЕРЫ В ВОСПИТАНИИ ДУХОВНОСТИ

На рубеже третьего тысячелетия человечество в своем развитии перешло допустимые экологические пределы, определяемые естественной емкостью биосферы: «Согласно расчетам, предельная величина антропогенного давления на биосферу не должна превышать 1% от полной производительности биосферы. Между тем уже в настоящее время она достигает 10%. Это...прямой путь к эпохе кризисов и экологических катастроф» [4, с. 441].

XX век, ставший веком технического овладения природой и организованного властвования над ее силами, был временем блеска и нищеты индустриально-капиталистической цивилизации, временем подмены *целей* жизни *техник*ой и *средствами* жизни, временем культа жизни вне ее высших ценностей. Современная цивилизация, несмотря на все свои достижения по части техники жизни, оказалась бессильной осуществить свою мечту о бесконечно возрастающем мировом могуществе. Вавилонская башня техносферы не была и не будет достроена: «Индустриально-капиталистическая цивилизация далеко ушла от всего онтологического, она антионтологична, она механична, она создает лишь царство фикций. Механичность, техничность и машинность этой цивилизации противоположны органичности, космичности и духовности всякого бытия» [1, с. 81].

Всезрастающая мощь современной цивилизации и негативные тенденции глобализации ее экономики стали сегодня огромной разрушительной силой. Способность природы самовосстанавливаться и поддерживать развитие человечества оказалась существенно подорванной, и природа ищет выход.

Согласно данным Фонда «Геостратегия и технологии XXI века», планетарная жизнь на рубеже II и III тысячелетий н.э. вступает в новый 12-тысячелетний (ноосферный) цикл развития, сопровождающийся эскалацией стихийных и катастрофических бедствий, которые могут представить чрезвычайную угрозу планетарной и российской безопасности: «Исследования Фонда “ГЕОСТ-XXI” дают основание полагать: интенсивная фаза планетарного перехода, начинающаяся с августа 1999 года, будет сопровождаться комплексом процессов, которые могут представить чрезвычайные угрозы планетарной и непосредственно российской безопасности. Их будут определять:

- эскалация всевозможных (геофизических, метео-климатических, социальных, экологических и др.) стихийных и катастрофических бедствий. Особо опасны: вулканические извержения, землетрясения и оползни; погодные и климатические скачки; цунами и ураганы; массовые пожары, наводнения, экологические поражения и эпидемии; динамичные разрушения объектов инфраструктуры; аварийные отказы разносторонних (наземных, плавающих,